

роли в способах глагольного действия. Рассмотрение вышеприведенных примеров имело целью лишь в каждом конкретном случае выявить ту дополнительную модификационную информацию, которая порождается взаимоотношениями конкретной приставки с определенным глаголом.

Примечания

¹ "Перфективизирующую" роль глагольных приставок в древнегреческом признавали такие ученые, как, например, К. Бругман (Brugmann K. Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. 2. Bearb. Bd 2. T. 3. Straßburg 1913, S. 482-484), Я. Ваккернателъ (Wackernagel J. Vorlesungen ueber Syntax. 1. Reihe. 2. Aufl. Basel, 1926, S. 181). Многие ее отрицали, в их числе и Э. Швицер, утверждавший, что при "наблюдении" исходного смысла приставки даже и в сравнении только позднее время просматривается ее собственное значение (См.: Schwyzler E., Debrunner A. Griechische Grammatik. Bd 2. München, 1950, S. 268).

² По наблюдениям Э. Пурди (Purdie E. The perfektiv "Aktionsart" in Polybius. - Indogermanische Forschungen, 1898, Bd 9, S. 61-163) в койне "конфективизирующей" способностью обладали приставки *συν-*, *εκ-* и *δια-*. Это положение опроверг Г. Мельцер (Meltzer H. Vermutliche Perfektivierung durch präpositionale Zusammensetzung im Griechischen. - Indogermanische Forschungen, 1901, Bd 12, S. 319-372).

³ Schwyzler E., Debrunner A. Griechische Grammatik, S. 266.

⁴ Thesaurus Graecae Linguae / Ed. C.V. Nase et G. Dindorf, L. Dindorf. Vol. 3. Paris, 1835, p. 110.

В. П. Смышляев

К ВОПРОСУ О МЕТРИЧЕСКОЙ СХЕМЕ ЭПИЧЕСКОГО ФРАЗЕОЛОГИЗМА

Понятие эпической формулы (поэтического фразеологизма) предполагает, как известно, не только лексико-семантическую устойчивость, но и стабильность метрической схемы. Регулярно воспроизводимые формулы гомеровского эпоса повторяются или исключительно или предпочтительно в одной и той же "закрепленной" позиции гексаметра. Так, *Διογενὴς Ἀχιλλεύς* будет постоянно появляться в первой половине стиха, тогда как *Πόδας ὄϊος Ἀχιλλεύς* вводит то же самое имя собственное в конце гексаметра.

В числе поэтических формул с устойчивой метрической позицией в стихе встречаются фразеологизмы, имеющие бесспорные соответствия в ведийских текстах и возводимые на этом основании к реконструируемым индоевропейским фразеологическим прототипам. Хотя в современных работах по проблемам древнегреческой фразеологии и намечается расширение понятия эпической формулы, на уровне индоевропейских реконструкций, по-видимому, невозможно установить надежные прототипы значительных предикативных фразеологизмов, так что речь может идти лишь о простейших, чаще бинарных фразеологических сочетаниях *κλέος ἄφθιτον*, *ὄβτος ἔβων* и т.п. Их слоговой объем обычно не превышает пяти-семи слогов. Наблюдения над их метрическими схемами легли в основу гипотезы Г. Надя о решающей роли древнейшей фразеологии в формировании греческого гексаметра.² Г. Надя предлагает очень нетрадиционное решение проблемы "эпическая формула - эпический размер", опираясь на наблюдения за формулами, использованными в клаузуле гексаметра. Собственно говоря, исходным пунктом становится сопоставление стиха "Илиады" (Ил., IX, 413: *ἔλετο δὲν ποτὶ νόστον, ἄτάρ κλέος ἄφθιτον ἔσται*) и стиха Сапфо (Сапфо, 44ε, L-P: *τὰς τ' ἄλλας Ἀσίας [...] ὄβων κλέος ἄφθιτον*), возведенных к общегреческому прототипу с различными (гликонической и ферекратической) клаузулами. Древнейший короткий стих, из которого развивался эпический гексаметр, представляется исследователю в виде семисложника ферекрата $\approx \approx - \cup \cup - \approx$. В нем и его древних вариантах (гликоне $\approx \approx - \cup \cup - \cup \approx$) складывались метрические клише древнейшей фразеологии, послужившие впоследствии основой дактилической ритмизации гексаметра: $\approx \approx (- \cup \cup - \cup \cup - \cup \cup) - \cup \cup - \approx$ (вариант прагексаметра, описываемый как ферекратей, расширенный тремя дактилями, встречается в эолийской поэзии). Конечным шагом в создании эпического гексаметра явилось преобразование базиса в спондеическую, а с разрешением замены долгого двумя краткими ($- = \cup \cup$) и в дактилическую стопу. Как уже говорилось, реальной основой ритмизации становились фразеологизмы древнейших "ферекратических" схем, например $- \cup \cup - \approx$ из $(\approx \approx) - \cup \cup - \approx$, которые "мантировались" в неизменном виде в расширяющийся гексаметр (цезуры и диэрезы гексаметра, по мнению Г. Надя, - следы, "швы" такого начального монтажа): так, "традиционная фразеология породила традиционный размер".³

Фразеологические сочетания типа κλέος ἠφείτου, однако, повторяются у Гомера не слишком часто, а следовательно, не удобны для выводов метрического характера. Бесспорно распространенные в древнейшей поэзии и сохранившиеся благодаря этому обстоятельству до гомеровской эпохи, они, по-видимому, оттеснились на задний план в процессе естественного обновления поэтического языка. Суждения об их метрике затруднительны именно вследствие нерегулярного использования. И здесь важно обратиться к метрике частотной древней формулы. В качестве такого примера можно рассмотреть адъективно-субстантивные фразеологические сочетания с постоянным членом ἦος.

Тексты ведийских гимнов позволяют сопоставить частую у Гомера формулу ἔτα ἦος 'божественная Эос' обычно в аккумулятиве ἦ ὄταν с devī usās и возвести их к общему прототипу *e₂s₂wós *dijē₂. Судя по приведенным Р. Шмиттом примерам, метрическая позиция таких адъективно-субстантивных фразеологизмов была, по-видимому, вполне свободной, так что члены фразеологизма могли быть расположены и дистантно в одном стихе, и даже разнесены в два различных стиха. Можно, вероятно, лишь предположить некоторое влияние синтаксиса конструкции на место фраземы в стихе. Так, если на формулу падает сильное логическое ударение, как в случае частого вокатива ὄσο devī, она стоит в начале пады. Если то же самое словосочетание стоит в косвенном падеже, оно оттесняется с первого места, как, например, в случае аккумулятива: sūryo dēvim usāsaṁ rocamānām (Rgveda Samhita, I, 115, 2a). 'Сурья за богиней Ушас светящейся (идет)'; ācchāvo devīm usāsam vibhātīm (Ibid., 3, 61, 5a) 'Я зову богиню Ушас сверкающую'. Субстантивированный эпитет devī не имеет строгого указания на препозицию или постпозицию, к тому же в приведенных примерах наряду с ним появляются и украшающие эпитеты.

Использование фразеологических сочетаний сходной группы с постоянным ведущим компонентом ἦος в гомеровском эпосе обнаруживает некоторые отличия в "Илиаде" и "Одиссее". В целом можно сказать о необязательности в более ранней "Илиаде" какой-то основной фразеологической модели для введения ἦος при описании начала дня. В "Одиссее", напротив, подавляющее большинство таких формул можно сгруппировать вокруг двух основных моделей, в то время как другие предстают преимущественно как лексические

варианты этих ведущих фразеологизмов. Самая многочисленная группа гомеровских формул для описания утренней зари связана с сочетанием βοδοβάκτυλος ἦος, которое входит, в свою очередь, в состав формульного стиха: ἦος δ' ἠριγένεια φάνη βοδοβάκτυλος ἦος (Ил., I, 477; XXIV, 788; Од., П, 1; Ш, 401, 491 и др., всего в "Одиссее" этот стих в неизменном виде повторяется не менее 20 раз). Варианты того же стиха с несколько измененным началом встречаются в Ил., XXIII, 109; XXIV, 785 (ср., также Ил., VI, 175; IX, 707); Од., XXIII, 241. Лексическими вариантами той же стилистико-семантической модели являются и случаи типа ἀλλ' ὅτε δὴ τρίτον ἦμαρ ἐϋλόβοκτος τέλεος ἦος (Од., V, 390 = X, 144); ἄος ἔφατ', αὐτίκα δὲ χρυσόβροντος ἦλυθεν ἦος (Од., X, 541 = XV, 56; XX, 91); κείμην ἀσπασίως, φάε δὲ χρυσόβροντος ἦος (Од., XIV, 502), ср. Од., VI, 48; XV, 495. У Гомера сходная модель обнаруживается в "Илиаде" (XXIII, 228: ὅν τε μετὰ κροκόπεπλος ὕλειρ ἤλα κίδναται ἦος) с дистантно расположенными членами сочетания; еще более свободный вариант последнего фразеологизма находим в "Илиаде" (XXIV, 695) в новой метрической позиции: ἦος μὲν κροκόπεπλος ἐκίδνατο πᾶσαν ἔλ' αἶαν.

Другая многочисленная группа фразеологизмов объединяется вокруг уже упоминавшегося аккумулятива ἦ ὄταν, чаще входящего в устойчивую модель с глаголом κίμνεν: Ил., VIII, 565; IX, 662; XI, 723; XXIII, 255 и Од., IX, 151; XII, 8; XVI, 368; XVII, 318; XIX, 342; ср. IX, 306, 436. При этом в зависимости от места глагола аккумулятив ἦ ὄταν может находиться и в пятой стопе: ἐγγύθεν Ἄρηνης, ὅδ' αἰετὸν κίμνεν ἦ ὄταν (Ил., XI, 723) и в четвертой: ἔνθ' ὁ γέρον κατέλετο καὶ ἦ ὄταν ἔκινεν (Ил., IX, 662), так что о жестком закреплении формулы в стихе говорить трудно.

Просматривая многочисленные и достаточно разнообразные варианты эпических формул с ἦος в качестве постоянного члена, можно попытаться сформулировать некоторые тенденции, влиявшие на закрепление ведущих фразеологизмов этой группы. Бесспорно, важную роль в выборе ведущих фразеологизмов сыграли и стилистические каноны эпоса, и, вероятно, личный вкус его создателей. Заметны своего рода "скопления" одинаковых формул в определенных местах поэм: так, в IX-XII книгах "Одиссеи", рассказы-вакхиды о странствиях героя, при описании утренней зари используются преимущественно две наиболее традиционные формулы: ὄσο

δοδάκτυλος ἦώς (8 раз из 20 – в "Одиссее", тогда как на все последующие 12 книг остается лишь 5 употреблений этого формульного сочетания) и ἦώς δ' ἔτιαν (4 из 7 – в "Одиссее"). На прочие варианты описания начала дня в указанных четырех книгах поэмы остается лишь четыре случая. В то же время, например, в пятой книге "Одиссеи" для трех случаев введения ἦώς использованы и три различные формулы: ἦώς δ' ἐκ λεχέων παρ' Ἀγαυοῦ Τιθωνοῦτο (Од., У, 1); ἦώς δ' ἠριγένεια φάνη βοδοδάκτυλος ἦώς (Од., У, 228); ἀλλ' ὅτε δὴ τρίτον ἦμαρ εὐπλόκαμος τέλεος' ἦώς (Од., У, 390). Подобным образом уже упоминавшийся фразеологизм ἦώς κροκόπελλος встречается дважды у Гомера и оба раза в конце "Илиады" (XXIII, 227 и XXIV, 695). Можно отметить и стремление автора более поздней "Одиссеи" к употреблению красочных эпитетов, формулы же типа ἦώς ἦοι, частые в "Илиаде", не характерны для "Одиссеи". Вообще сравнение формульных сочетаний с ἦώς, используемых в "Илиаде" и "Одиссее", указывает, что в первой поэме они свободнее метрически и богаче лексическими вариантами (как правило, число формульных употреблений не превышает четырех), тогда как в "Одиссее" идет устранение вариантности в пользу нескольких ведущих моделей, нередко закрепляемых в формульном стихе.

Закрепление фразеологизма, далее, должно было удовлетворять метрическим требованиям гексаметра. Так, номинатив ἦώς (спондей) удобен прежде всего для шестой и в меньшей мере для первой, также сравнительно свободно заполняемой стопы гексаметра, но может встречаться и в середине стиха, преимущественно во второй и четвертой стопах. Соотношение ἦώς в первой и шестой стопах и ἦώς в других стопах гексаметра в "Илиаде" 18: :8, а в "Одиссее" уже 33:4. В гомеровских гимнах номинатив ἦώς употребляется в конце стиха (Афр., 223, 230), также и у Сапфо в композициях κατὰ στίχον со спондейской клаузулой (Сапфо, 103, 104, 123 L-P), реже в начале размера (Герм. 184). Можно думать, что метрическая позиция ведущего компонента фразеологизмов закреплялась постепенно, с отбором ведущих формул и совершенствованием метрической схемы гексаметра. К концу стиха тяготеет и аккузатив ἦώς, практически не употребительный в начале стиха, он не встречается и в шестой стопе, сохраняя, по-видимому, древнюю неслитную форму

ἦώς, тем более что этот аккузатив регулярен в пределах одной конструкции с глаголом πίνεσθαι. Использование же этой формулы во второй половине гексаметра объясняется скорее всего синтаксисом строки – третьим важным условием закрепления фразеологизма в той или иной позиции стиха.

Фразеологическое сочетание, состоящее из существительного и прилагательного в атрибутивной функции, могло получить стабильное положение в схеме гексаметра только при условии регулярности предикативной модели, в которой оно воспроизводится, как в ἦώς δ' ἔτιαν (μῦνειν). Единственное использование этой формулы в номинативе носит явно окказиональный характер: ἔλαει δηδέστωσ, ἦώς ὅτε δ' ἄ φανήη (Ил., XXIV, 117). Что же касается относительно свободного номинатива ἦώς, то и его закрепление в первой и шестой стопах имеет некоторую связь с порядком слов. ἦώς в конце стиха чаще встречается во временном придаточном, где начало стиха занято союзом: ἦώς δ' ἠριγένεια φάνη βοδοδάκτυλος ἦώς (Од., П, 1); ἀλλ' ὅτε δὴ ῥ' ἐκ τοῦτο δωδεκάτη γένετ' ἦώς (Ил., I, 493). ἀλλ' ὅτε δὴ τρίτον ἦμαρ εὐπλόκαμος τέλεος' ἦώς (Од., П, 1); В случае независимого предложения номинатив ἦώς нормально тяготеет к началу стиха: ἦώς δ' ἐκ λεχέων παρ' Ἀγαυοῦ Τιθωνοῦτο (Од., У, 1); Ἀβτίκα δ' ἦώς ἦλθεν εὐρόνος, ἦ μιν ἔγειρε (Од., VI, 48); ἦώς μὲν κροκόπελλος ἐκίδνατο πᾶσαν ἐλ αἴαν (Ил., XXIV, 695); ἦώς δ' ἠριγένεια φῶς θνητοῖσι φέρουσα (ср. Герм., 134). Так как гексаметр – размер повествовательный, он имеет тенденции к определенной синтаксической завершенности строки, а следовательно, и к тому, чтобы распределение членов стиха-синтагмы или даже стиха-предложения в какой-то степени соответствовало наиболее естественному порядку слов в предложении. Нейтральный аккузатив вроде ἦώς δ' ἔτιαν не типичен для начала стиха-предложения, если не считать случаев с явным логическим ударением на нем (например, формульное выражение τὴν δ' ἀπεδείξμενος προσέφη, связывающее предыдущее высказывание с последующим). Если позволяет метрическая схема, место фразеологизма в косвенном падеже может несколько изменяться, но его закрепление произойдет вероятнее всего в середине стиха, как в случае очень частого у Гомера аккузатива πατρίδα γαῖαν, входящего в устойчивую конструкцию: глагол в сочетании с ἔς πατρίδα γαῖαν. Фразема φίλην (ἔην) ἔς

πατρίδα γαῖαν обычна и для "Илиады" и для "Одиссеи", хотя, как и в предыдущем случае, в "Одиссее" формула встречается чаще. Но в "Одиссее", кроме того, развивается формульная предикативная конструкция с постоянным глаголом ἰκέσθαι в конце стиха. Так как окончание глагола обычно спондеическое, он вытесняет аккузатив γαῖαν из шестой стопы, хотя, вероятно, препозиция аккузатива по отношению к инфинитиву была удобна и синтаксически: (ἰκέμενοι κτεῖναι), πρὶν πατρίδα γαῖαν ἰκέσθαι (Од., IV, 823; У, 207, 301; XII, 426 и др.); ср. также (ἴσχει ὁ δ' οὐ δύναται) ἦν πατρίδα γαῖαν ἰκέσθαι (Од., IV, 550; V, 15; XIII, 144). По-видимому, инфинитивы на -σθαι реже подвергались в метрическом сокращению, они обычно завершают гексаметр. К примеру, в пятой книге "Одиссеи" такой инфинитив лишь дважды встречается в середине стиха: ποιήσασθαι (259), παύσασθαι (384) и 13 раз в конце стиха: ἰκέσθαι (15, 41, 207, 301), ἰδέσθαι (209, 217, 220, 407), φέρεσθαι (331, 343), ἀπολέσθαι (347), τραπέσθαι (350), ἔρυσθαι (484). Вероятно, под влиянием формулы с ἰκέσθαι в конце стиха употребляются и его личные формы в конструкции с σῶν πατρίδα γαῖαν (ἦται) (Од., III, 117; IV, 545; V, 26, 144; У, 193).

Наши наблюдения так или иначе возвращают к традиционной точке зрения: закрепление эпической фразеологии, той, которую мы застаем у Гомера, происходило с учетом метрической схемы гексаметра, т.е. просодические возможности фразеологизма, его синтаксическая функция скорее приспособлялись к ритмической схеме размера, чем размер вырастал из метрики формул. То, что гексаметр возник из объединения двух кратких колонов, подтверждается многочисленными типологическими параллелями, в том числе и примером шлоки, но при этом невозможно доказать, что колоны, составившие греческий гексаметр, были конкретными фрекратеями с осознанно выделяемой ритмической стопой дактиля. Первоначальный гексаметр вполне мог быть силлабическим размером с цезурой или даже с несколькими цезурами, облегчающими восприятие стиха и создающими особый ритм. Можно думать, что одной из причин объединения коротких колонов в большой период было стремление к синтаксической завершенности стиха, которая не может быть достигнута в коротком семи-восьмисложном колоне. На основе первоначального синтаксического объединения коротких колонов возникли объединения и метрические, т.е. сокращалась пауза между

ними (подобные тенденции можно наблюдать в лирических строфах). Естественная связь границы пады и особенно стиха с границами синтаксического членения отмечается и в ведийском стихе.⁵ В эолийских четырехчленных строфах также ощутимы следы объединения колонов попарно: пауза между вторым и третьим колоном значительнее (чаще хиаты, нет синтафий – перенос части слова в следующий колон). Лирический колон с его небольшим объемом был синтаксически незамкнутым и не мог обеспечить постоянной позиции для фразеологизма, что хорошо подтверждают и ведийские параллели. Равным образом и эолийские поэты в лирических строфах используют традиционные формулы без учета их метрических клише в гексаметре, поскольку "вырывают" их из клише синтаксических. Например, эпическое εἴρετα χθών – конец гексаметра, номинатив у Гомера, отмечается в середине одиннадцатисложника и в аккузативе: δι' ἡτ' εἴρηαν χ[θώνα] καὶ θάλασσαν (A 34₅ G-P); ср. μελαίνας χθόνας... (A 38₁₀) или ἔοι[.....]. ε[.]αίνας ἑλίβαϊς χθόνας... (A 130₂₉). Эолийские примеры подтверждают, по-видимому, также и ритмическое, а не формульное происхождение диерезы перед пятым слогом от конца стиха. Так, у Сапфо она может регулярно появляться в одном стихотворении и не встречается в другом, написанном таким же размером; ср. без диерезы "Ἔρος δὴ τέ μ' ὁ λυσιτέλης δόκει, γλυκύλιπον ἀμάχανον ὄρετον (Сапфо, 130 G-P) и с регулярной диерезой перед пятым слогом: 2 ἄμ' εἰσομένην | κατελίπανε; 5 ψάλφ', ἧ μάν σ' ἕκεις' | ἀπολίπανε; 8 μέναις, ὅσσα γὰρ ὥς σε πεθήσομεν (Сапфо, 94).

Таким образом, та эпическая фразеология, которую мы находим в гомеровских поэмах и эолийских строфах, не может быть признана первоначальной по отношению к гомеровскому гексаметру. Она развивалась и регулировалась уже в соответствии с ритмическими законами гексаметра. В то же время пример ведийского силлабического стиха указывает на значительную свободу распределения фразеологизмов в стихе, так что следует думать, что закрепление фразеологизмов в определенных метрических позициях происходило постепенно в процессе совершенствования самого эпического размера.

Примечания

- ¹ H a i n s w o r t J.B. Structure and content in epic formulae. - Classical quarterly, 1964, vol.14, p.155-157.
- ² N a g y G. Comparative studies in Greek and Indic meter. Cambridge Mass., 1974; И в а н о в Б.Р. Происхождение древнегреческих этических формул и метрических схем текстов. - В кн.: Структура текста. М., 1980, с.59-80.
- ³ N a g y G. Comparative studies in Greek and Indic meter, p. 143.
- ⁴ S c h m i t t R. Dichtung und Dichtersprache der indogermanischer Zeit. Wiesbaden, 1967, S.174-175.
- ⁵ Е л и з а р е н к о в а Т.А. Грамматика ведийского языка. М., 1982, с.410.

О.Н.Сорокин

ИЗ ИСТОРИИ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ЛАБИОВЕЛЯРНЫХ

(греч. φέβομαι - φεύω, лат. fugiō 'убегать')

Обычно считается, что φέβομαι и φεύω представляют два разных индоевропейских корня: *bhǵg^h (греч. φέβομαι, лит. bėgti 'бежать, убегать', ст.-сл. бѣжѣ, бѣжати) и *bheug- (греч. φεύω, лат. fugiō, rūgī, лит. bėgti 'испугаться', baugūs 'боязливый', bauginti 'пугать').¹ Но семантическое тождество и формальное сходство этих двух корней побуждало некоторых лингвистов отнести лит. bėgti, ст.-сл. бѣжѣ к корню *bheug-² (через *bhē(u)g-³ или *bhǵēg-⁴). Попытки полного отождествления *bhǵg^h- и *bheug- были осуществлены П.Перссоном и Г.Хиртом.

П.Перссон пытался объяснить чередование гласных в *bheug^h-/*bhug- распространением корня, в чистом виде нигде не засвидетельствованного, различными суффиксами или детерминативами.⁵ Но если гласный e/u является детерминативом, то как должен выглядеть сам корень?

Г.Хирт, объединяя группы φέβομαι и φεύω, исходил из так называемой двусложной базы *bhǵeg^h-: полная ступень первого слога *bheug^h- (греч. φεύω, лат. rūgī), полная ступень второго слога *bhǵeg^h- (греч. φέβομαι), продленная ступень второго слога *bhǵēg^h- (лит. bėgti, ст.-сл. бѣжѣ).⁶ Это постро-